

RU

Стратегии репрезентации русской литературной классики в романе Дж. Барнса «Шум времени»

Николич Милица

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу романа Джулиана Барнса «Шум времени» сквозь призму рецепции русской литературной классики. Цель исследования – определить роль русской литературной классики XIX в. и стратегии ее изображения в «Шуме времени». Роман представляет собой своеобразное изображение биографии Д. Д. Шостаковича, любимого русского композитора Барнса. В статье выделяются и описываются характерные черты поэтики английского писателя, а также используемые им литературные приемы: интертекстуальность, фрагментарность, фабуляция и ирония. Основное внимание уделяется анализу интертекстуальных отсылок к русской литературе в «Шуме времени». Читатель узнает в романе отсылки и цитаты из произведений Н. В. Гоголя «Шинель» и «Нос», И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», А. П. Чехова «Письмо к ученому соседу» и др., проливающие дополнительный свет на образ героя. Научная новизна работы заключается в выявлении особой роли русской литературной классики в художественном мире романа «Шум времени». В результате показано, что русская литература выступает в романе как важный аспект не только русской, но и мировой культуры и оказывает значительное влияние на формирование творческого пути Барнса.

EN

Russian classical literature in the novel “The Noise of Time” by Julian Barnes: Strategies of representation

Nikolitch Militsa

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the novel “The Noise of Time” by Julian Barnes through the lens of Russian classical literature. The aim of the study is to determine the role of the Russian classical literature of the XIX century and the strategies of its representation in “The Noise of Time”. The novel unusually depicts biography of D. D. Shostakovich, Barnes’ favourite Russian composer. The work emphasises and describes the main characteristics of the English writer’s poetics, as well as the literary devices he employs: intertextuality, fragmentation, fabulation and irony. Main attention is paid to the analysis of the intertextual references to Russian literature in “The Noise of Time”. In the novel, the reader can discover references and quotations from the short stories “The Overcoat” and “The Nose” by N. V. Gogol, the article “Hamlet and Don Quixote” by I. S. Turgenev, the short story “A Letter to a Learned Neighbor” by A. P. Chekhov and others, which additionally shed light on the main character’s image. The originality of the study lies in identifying the specific role of Russian classical literature in the imaginary world of “The Noise of Time”. As a result, it has been demonstrated that Russian literature is presented in the novel as an important aspect of Russian culture, as well as world culture and has made a tremendous impact on Barnes’ creative life.

Введение

Интерес Джулиана Барнса к русской культуре и литературе в частности, несомненно, отразился на его творчестве и мировоззрении. Русская литературная классика XIX в. представляет для английского писателя неотъемлемую часть истории мировой литературы. Особое внимание Барнс уделяет творчеству и личности И. С. Тургенева, «близкого друга Флобера» (Guignery, 2006, p. 124), а также А. П. Чехову и Н. В. Гоголю. В отличие от литературного аспекта русской темы в его прозе, историко-политический аспект свидетельствует о стереотипном мышлении автора, не отступающего от характерного для англичан восприятия, формирующегося на протяжении нескольких веков. Например, прослеживаются критика русской власти, сочетание восторженного и враждебного отношения к России, изображение русского народа одновременно как варваров и как создателей великой культуры и т. п.

Актуальность темы исследования обуславливается неубывающим в отечественном и зарубежном литературоведении интересом к исследованию образа России в английской литературе, а также к литературе

постмодерна, видным представителем которой является Дж. Барнс. В связи с возрастающей тенденцией негативного изображения России в английских художественных текстах необходимо осветить положительный аспект образа России, который заключается во влиянии русской культуры. Репрезентативным примером является творчество Дж. Барнса, поскольку писатель особое внимание уделял русской литературе и музыке.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, описать характерные черты поэтики Дж. Барнса; во-вторых, выявить и проанализировать интертекстуальные отсылки к русской литературной классике XIX в. «Шуме времени»; в-третьих, определить роль русского культурного контекста в романе.

В статье применяются следующие методы исследования: методы сравнительного и интертекстуального анализа.

В качестве материалов исследования выступают роман Дж. Барнса «Шум времени» (*The Noise of Time*, 2016) и рассказ «Вспышка» (*The Revival*, 2011) (Барнс Дж. Шум времени / пер. с англ. Е. Петровой. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2019; Барнс Дж. Вспышка / пер. Л. Мотылев. 1999. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/1/vspyshka.html>), а также повести Н. В. Гоголя «Шинель» и «Нос» (Гоголь Н. В. Ревизор. Шинель. 2012а. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83966>; Гоголь Н. В. Невский проспект. Нос. Рим. 2012б. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=48005>), рассказ А. П. Чехова «Письмо к ученому соседу» (Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1974. Т. 1) и статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (Тургенев И. С. Избранное. Л.: Лениздат, 1982). Выбор данного романа английского писателя обусловлен тем, что русская тема имеет здесь сюжетообразующий характер, ее важной частью является русская литература.

В романе можно выделить три условных аспекта русской темы: русская литературная классика XIX в., историко-политическая составляющая и русскость. Первый аспект сопряжен с рецепцией творческих биографий русских писателей (И. С. Тургенев, А. П. Чехов, Н. В. Гоголь). Историко-политический аспект подразумевает хронопотоп Советского Союза и тему русской эмиграции. Под русскостью мы понимаем художественное осмысление менталитета русского народа. Все три аспекта русской темы пересекаются и дополняют друг друга. Изображение русской литературы в романе «Шум времени» имеет комплексный характер и изучено меньше, чем историко-политический аспект. А потому в настоящей работе мы ограничимся анализом стратегий репрезентации русской литературной классики XIX в. в романе «Шум времени» и сопряженными с ней аспектами русскости.

Теоретическую базу статьи составляют литературоведческие исследования, рассматривающие те или иные аспекты творчества Дж. Барнса. Так, в частности, Д. А. Радченко (2008) пишет о проблеме героя, жанровой природе и нравственной философии прозы Дж. Барнса. V. Guignery (2006) рассматривает поэтику творчества английского писателя. А. А. Кирпичникова и В. В. Тарасова (2021) исследуют образ России в романах «Попугай Флобера» и «Шум времени». Ю. В. Чернова (2022) пишет о восприятии личности и творчества И. С. Тургенева в прозе Барнса. В. А. Фортунатова (2019) анализирует образ творца и русский культурный контекст в «Шуме времени». Ряд фундаментальных исследовательских работ в области литературоведения посвящены таким понятиям, как фабуляция и метанарратив (Salman, 2009; Толкачев, 2019), а также в области культурологии – культурной модели (Месянжинова, 2010).

Практическая значимость состоит в возможности использовать выводы исследования при подготовке вузовских курсов по современному литературному процессу, истории мировой литературы.

Обсуждение и результаты

1. Проза Дж. Барнса

Нарративную структуру прозы английского писателя характеризует, по словам Д. А. Радченко, ослабленность фабульного действия, смягчение внешних конфликтов и отсутствие «слишком эффектных сюжетных ходов» (2008, с. 9). Замедление фабульного действия происходит за счет многочисленных комментариев рассказчика, его мыслей, перехода с одной темы на другую, обсуждения, а иногда и полемики с предшественниками, что создает впечатление «эссеистической рефлексии» (Радченко, 2008, с. 24-25). Образец построения сюжета Барнс мог найти у Чехова и Тургенева, с творчеством которых английский писатель познакомился еще в школьные годы (Guignery, 2006; Ломыкина Н. Интервью британского писателя Джулиана Барнса о Борисе Джонсоне, шуме времени и детстве без телевизора // *Forbes*. 26.07.2019. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/380771-intervyu-britanskogo-pisatelya-dzhuliana-barnsa-o-borise-dzhonsone-shume-vremeni-i>).

В статье о рецепции Тургенева в Британии Т. Н. Кравченко отмечает, что «в романах Тургенева человек действия противопоставлен человеку, склонному к рефлексии и чуткому к социальной несправедливости, но совершенно неспособному действовать» (2021, с. 52). Такие черты наблюдаем не только у персонажей Барнса, но и в манере общения его рассказчиков.

Д. А. Радченко (2008, с. 95-96) пишет, что сходство между текстами Барнса и Чехова заключается в неторопливости повествования, мотиве избавления человека от штампов, а также интересе к маленькому человеку. Образец маленького человека английский писатель мог найти не только у Чехова, но и у Гоголя, чьи сатира и разговорный стиль прослеживаются в текстах Барнса. Героями нескольких романов английского писателя становятся известные исторические личности, оставившие значительный след в мировой культуре, как, например, Г. Флобер, А. К. Дойл, И. С. Тургенев и Д. Д. Шостакович. Однако они представлены читателям не как великие гении. По словам В. А. Фортунатовой, Барнс стремится изобразить творца «в нетворческих обстоятельствах» (2019, с. 242). Речь идет скорее об обстоятельствах повседневной жизни. Д. А. Радченко отмечает,

что творчество Барнса «принципиально антропоцентрично» (2008, с. 4): мировые и глобальные темы изображены в судьбе индивидуума, взволнованного вопросами любви, счастья, старости и смерти. Так, несмотря на то, что в «Шуме времени» проблематизируется угнетающая обстановка тоталитарной власти, на переднем плане все-таки предстают личная судьба Шостаковича и его внутренние переживания.

Главным событием в прозе Барнса становится жизнь, а вместо героев выступает маленький человек, стремящийся обрести счастье в обстоятельствах, которые делают это почти недостижимым. Таким образом жизнь расходится с любыми попытками схематизации (Радченко, 2008, с. 53). С одной стороны, в произведениях Барнса происходит деконструкция всех видов глобальных повествований: как мифологических (религиозные догмы), так и исторических (культ прогресса, тоталитарная власть и др.). Деконструкция осуществляется с помощью приема фабуляции, представляющей собой «сплав вымышленного с реальным в речи и в памяти», при этом «становится трудно различить, где правда перетекает в вымысел и наоборот» (Толкачев, 2019, с. 188). С другой стороны, В. Салман видит в таком подходе писателя своего рода возвращение интереса к метанарративам (Salman, 2009, p. 7): разрушая «великие истории», Барнс одновременно обращает внимание читателей на них и создает свою версию мировых событий.

2. Русская литературная классика XIX в. в «Шуме времени»

Определение типологической разновидности романа «Шум времени» вызывает много вопросов, поскольку Барнс умышленно играет с формой и композицией своих произведений. Во-первых, Барнс своеобразно изображает биографию известного русского композитора с точки зрения внутреннего мира главного героя, его переживаний, мыслей и воспоминаний, используя прием фрагментарности. Во-вторых, это роман о художнике, проблематизирующий тему тоталитарной власти, специфику положения художника и свободу творчества. В-третьих, несмотря на то, что действие романа не происходит в будущем, заметны элементы романа-антиутопии, такие как: атмосфера всеобщего контроля, всевидящий вождь, принцип свободной любви и неспособность индивида противостоять системе.

Русская литературная классика XIX в. представлена в романе посредством цитат и отсылок к произведениям писателей, которыми Шостакович интересовался: «То ли дело Пушкин, Чехов, а в особенности Гоголь» (Барнс, 2019, с. 96). Ранее рассказчик отмечает, что «Тургенев ему [Шостаковичу. – М. Н.] не близок: интеллигентности в избытке, а воображения не хватает» (Барнс, 2019, с. 96). Однако И. С. Тургенев в тексте играет не менее важную роль, чем другие писатели, что оправдано интересом самого автора к его личности и творчеству.

В соответствии с интересами Шостаковича в «Шуме времени» уделяется особое внимание творчеству Гоголя, в частности повестям «Шинель» и «Нос». Барнса привлекал сатирический принцип построения сюжета в повестях русского классика, позволяющий обнаружить логику происходящих в реальной жизни событий: «...жизнь – это не роман и не новелла Мопассана. Скорее, это сатирическая повесть Гоголя» (2019, с. 57).

Выбор имени только что родившегося Дмитрия Дмитриевича изображен в традициях гоголевского юмора. Интонация рассказчика в романе напоминает манеру общения рассказчика «Шинели». Процесс выбора имени героев играет судьбоносную роль в обоих текстах. Судьба определила имя Акакию Акакиевичу так же, как и великому композитору: «А посему: назначено ему было зваться Дмитрием Дмитриевичем. И ничего не попишешь» (Барнс, 2019, с. 23). Оба героя получили имена в честь своих отцов, что делает их произношение созвучным. Главное отличие в том, что Шостакович станет известным композитором, и, в отличие от простого чиновника, он оставит после себя бессмертные музыкальные шедевры. Однако отсылка к повести Гоголя наводит взор читателя на внутренний мир и повседневные переживания Шостаковича как маленького человека, а не как гениального композитора.

Отсылку к «Шинели» можно узнать и в разговоре Шостаковича со Сталиным (Фортунатова, 2019, с. 244). Композитор пытается отказаться от поездки в Нью-Йорк, оправдываясь тем, что у него нет нового фрака: «У меня нет фрака. Без фрака невозможно выступить перед публикой» (Барнс, 2019, с. 109). Далее он объясняет, что у него нет средств для покупки новой одежды. Несмотря на то, что в случае Шостаковича речь идет не о шинели, сам факт потребности во фраке и отсутствия средств на покупку нового отсылает к основному мотиву «Шинели». В отличие от ситуации Акакия Акакиевича, приобретение нового фрака не станет жизненно важным вопросом для героя Барнса. Несмотря на нехватку денег, положение композитора иное, чем у простого чиновника. Во-первых, истинная причина отказа от поездки на конференцию заключается в том, что Шостакович не поддерживает коммунистический режим, запретивший постановку его оперы. Во-вторых, Сталин предлагает быстрое решение вопроса с покупкой нового фрака и снятием запрета на его оперу, что говорит об особом статусе композитора.

На вопрос, можно ли все «починить», исправить возникшую ситуацию, Шостакович отвечает самому себе цитатой из повести «Нос»: «Можно ли на нынешней стадии, хотя и запоздало, все поменять, исправить, вернуть на место? Ответ он знал – как сказал доктор на просьбу приставить нос [в оригинале *The Nose*. – М. Н.] Оно, конечно, приставить можно, но я вас уверяю, что это для вас хуже» (Барнс, 2019, с. 22). Цитата отсылает читателя к абсурдным ситуациям, в которых находятся как герой повести Гоголя, так и Шостакович. Абсурдными в ситуации русского композитора являются не только запрет на постановку его пьесы «Леди Макбет Мценского уезда» и возможные последствия этого запрета, но и изображение героя, стоящего ночью перед лифтом с собранным чемоданом в ожидании ареста. Иррациональный страх Шостаковича, его блуждающие мысли, фрагментарные картины происходящего создают образ гротескного тоталитарного мира.

Интересным является толкование «Носа» Гоголя И. Ф. Анненского (1906), увидевшего в Носе не только главного героя повести, но и конкретного человека, «восстанавливающего свою долго попиравшуюся честь

и неприкосновенность». Как Нос, фантастически принимающий разные формы, стремился доказать свое достоинство циркульнику и майору, так и Шостакович пытается сохранить свое достоинство, предпочитая быть арестованным одетым у лифта, а не в пижаме в кровати с женой.

На текстуальном уровне стоит проанализировать отсылку к А. П. Чехову (1974) и его рассказу «Письмо к ученому соседу». Размышляя о незавидной и абсурдной ситуации, в которой оказался известный композитор, рассказчик отмечает: «Бывает, что происходящее оказывается за гранью понимания. *Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда* [курсив наш. – М. Н.], как сказал градоначальник при виде жирафы» (Барнс, 2019, с. 23). На принцип чеховского Василия объяснить неосязаемое человеческому уму наивными словами простого человека, Барнс отвечает иронично: «Ан нет: может быть и бывает» (2019, с. 23). Цитата повторяется в третьей части романа как реакция рассказчика на неожиданную новость о том, что Шостакович вступил в Коммунистическую партию: «Дмитрий Дмитриевич Шостакович стал членом Коммунистической партии Советского Союза. *Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда*, как сказал градоначальник при виде жирафы. Ан нет: может быть и бывает» (Барнс, 2019, с. 203). Данные ситуации выражают точку зрения Барнса о том, что жизнь нельзя подвергать схематизации и ограничивать ее строгими правилами.

Е. Петрова в комментариях к русскому изданию «Шума времени» увидела в цитате из «Письма к ученому соседу» аллюзию на встречу композитора с Маяковским, во время которой поэт повел себя невежливо (Барнс, 2019, с. 237-238). В дальнейшем воспоминания Шостаковича об этом событии вызывали у собеседников недоумение. После этого композитор решил больше не реагировать, когда ему отвечали по принципу героя из рассказа Чехова, выбирая более разумный подход – молчание. Тем самым характеризуя себя как интеллигента.

Личность и творчество Тургенева оказали значительное влияние на Барнса. Достаточно упомянуть рассказ «Вспышка», эссе «Two Moles», роман «Попугай Флобера», а также роман «Одна история», в котором слова тургеневского Ракитина о любви становятся сюжетобразующими. В «Шуме времени» рассказчик обращается к мнению Тургенева, описывая менталитет русского народа: «Но даже Тургенев, при всех недостатках, впитал в себя традиционный русский пессимизм. Более того, понимал, что быть русским – значит быть пессимистом. А еще считал, что русского как ни скобли – все равно окажется русский» (Барнс, 2019, с. 97). В данных словах, с одной стороны, проявляется точка зрения автора о русском человеке, а с другой стороны, подчеркивается пессимизм главного героя. Пессимизм героя выражен не только с помощью повторяющейся мысли, что «сейчас настали худшие времена», но и посредством его неуверенности в себе. Однако оптимистические чувства возникают, когда идет речь о любви композитора к жене и детям: «И что же для него ценное? Музыка, семья, любовь. Любовь, семья, музыка. Порядок приоритетов может меняться» (Барнс, 2019, с. 116-117).

В. А. Фортунатова (2019, с. 242) указывает на аллюзию на «Тургеневский отклик» из повести «Вспышка» в романе. Речь идет о первой любви Шостаковича – Татьяне Гливленко: «Это была первая любовь, – заключает он, – во всей своей кажущейся простоте и во всей обреченности» (Барнс, 2019, с. 241). Вспомним эмоции и вспышки, вызванные последней любовью героя рассказа Барнса «Вспышки» и первой любовью героя рассказа Тургенева «Первая любовь». На вопрос рассказчика «Вспышки», задает ли первая любовь «тон человеческой жизни до самого конца» (Барнс, 1999), ответ будет положительным в «Шуме времени». След в жизни композитора навсегда оставила любовь к Тане – девушке, которую он потерял из-за своей нерешительности и трусости, как и некоторые герои Тургенева (например, г-н Н. Н. из «Аси», Павел из «Фауста» и Рудин из романа «Рудин») (Чернова, 2022, с. 259). Любовь для героев Тургенева и Барнса – это важная жизненная энергия, не всегда приводящая к счастью.

Необходимо обратить внимание на текст Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», в котором русский классик выделяет два типа людей на основе их отношения к идеалам. Если Дон Кихот представляет собой человека, наделенного энтузиазмом, готового идти на самопожертвование, живущего в иллюзиях, то Гамлет является противоположностью. Он эгоист, скептик, полон тщеславия, склонен к самоанализу и ироничен, поскольку осознает свои слабости. Образ Гамлета близок героям Барнса, в том числе Шостаковичу. На протяжении всего романа русский композитор больше размышляет, чем действует. При этом важное место занимает ирония, которая «дает возможность сохранить все ценное, даже в ту пору, когда шум времени гремит так, что вылетают оконные стекла» (Барнс, 2019, с. 116). По мнению А. А. Кирпичниковой и В. В. Тарасовой (2021, с. 1416), ирония Шостаковича отражает национальную черту «автора-англичанина».

Создавая образ Шостаковича, Барнс, скорее всего, опирался на мнение Тургенева о том, что «по мудрому распоряжению природы, полных Гамлетов, точно также, как и полных Дон Кихотов, нет» (1982, с. 659). В отличие от Гамлета, неспособного творить из-за своей аналитической и скептической природы, русский композитор все-таки был наделен творческими качествами.

Русскость в романе проявляется не только цитатой Тургенева о менталитете русского народа. В. А. Фортунатова пишет, что «интенция русскости» в «Шуме времени» представлена как «спектром лиц, окружавших Шостаковича в разные периоды его жизни» (2019, с. 243), так и обстоятельств, в которых он оказывался. Исследователь приводит в пример мотив употребления водки. Рамочная история с нищим ветераном на перроне заканчивается «тоническим трезвучием», возникшим на основе звона трех стаканов водки, что становится основным мотивом всего романа. В другом месте упоминается, что водка «бывает только двух видов: хорошая и очень хорошая: плохой водки не бывает». Далее рассказчик отмечает, что эта «истина гуляет от Москвы до Ленинграда, от Архангельска до Куйбышева» (Барнс, 2019, с. 86). В художественном мире Барнса водка представляет собой как важную часть русской культуры и традиций, так и убежище для героя, пытающегося хотя бы на мгновение скрыться от жестокой реальности.

«Русский комплекс аутентичности» дополняется упоминанием папирос, одеколона «Гвоздика» и народных поговорок, «которые автор использует в неожиданном контексте, создавая тоническое трезвучие по всем

направлениям» (Фортунатова, 2019, с. 243). Например, Барнс приводит такие поговорки, как «лес рубят – щепки летят», «разбирался в музыке как свинья в апельсинах», «худо овцам, где волк воевода» и др. Выбранные Барнсом народные поговорки либо подчеркивают изображаемую в романе политическую обстановку и стереотипное восприятие русского народа, либо отсылают читателя к определенному историческому моменту.

Заключение

Итак, в результате исследования мы пришли к следующим выводам. Русская тема в романе Дж. Барнса «Шум времени» имеет сюжетобразующий характер и раскрывается прежде всего в образах русской литературной классики XIX в. – на двух уровнях: интертекстуальном и концептуальном. С одной стороны, роман включает в себя многочисленные – прямые и косвенные – отсылки, цитаты, мотивы и аллюзии, сопряженные с русским литературным контекстом. При этом интертекстуальный уровень представляет собой не просто пример постмодернистской игры с культурными знаками, но также проливает дополнительный свет на образ героя и характер его эволюции. С другой стороны, русская литература накладывает отпечаток на стиль и мировоззрение автора. В качестве примера можно привести близкое Тургеневу понимание Барнсом любви, счастья и русского менталитета, заимствованное у Чехова неторопливое повествование, отсылающее к Гоголю сатиру, разработку образа маленького человека. Несмотря на то, что автор не стремился создать целостный образ России, выбор русского культурного контекста и природа его изображения определяют восприятие читателем художественного мира.

В итоге русское в «Шуме времени» выступает как некая культурная модель (Месянжинова, 2010), на основе которой осмысливается фундаментальная проблема власти и отношения к ней художника. Таким образом, русская литература являет собой в романе важный аспект не только русской, но и мировой культуры.

Перспективы дальнейших изысканий проблемы мы видим в проведении масштабного исследования, в котором необходимо сделать акцент на сопоставительном анализе славянского и западноевропейского восприятия России в романах Милорада Павича и Джулиана Барнса.

Источники | References

1. Анненский И. Ф. Проблема гоголевского юмора. Нос (К повести Гоголя). 1906. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0240.shtml
2. Кирпичникова А. А., Тарасова В. В. Образ России в романах Джулиана Барнса «Попугай Флобера» и «Шум времени» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5.
3. Кравченко Т. Н. О восприятии И. С. Тургенева в Британии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 «Литературоведение». 2021. № 1.
4. Месянжинова В. А. Игровые модели культуры в художественном пространстве постмодернизма (Итало Кальвино, Милорад Павич, Джулиан Барнс): дисс. ... к. культ. М., 2010.
5. Радченко Д. А. Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия автора: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2008.
6. Толкачев С. П. Уровни вдохновения: французский контекст постмодернистской прозы Дж. Барнса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 8 (824).
7. Фортунатова В. А. Дивергентное мышление и авторская интенция в романе Джулиана Барнса «Шум времени» // Филология и культура. 2019. № 2 (56).
8. Чернова Ю. В. Дж. Барнс и И. С. Тургенев: художественный диалог // Русский язык и русская литература в цифровую эпоху: колл. моногр. Казань: БУК, 2022.
9. Guignery V. The Fiction of Julian Barnes / ed. by N. Tredell. N. Y.: Palgrave-Macmillan, 2006.
10. Salman V. 'Fabulation' of Metanarratives in Julian Barnes' Novels 'Metroland', 'Flaubert's Parrot', 'A History of the World in 10/2 Chapters', and 'England, England': A thesis for the degree of Doctor of Philosophy in English Literature. Ankara, 2009.

Информация об авторах | Author information

Николич Милица¹

¹ Московский государственный лингвистический университет

Nikolitch Militsa¹

¹ Moscow State Linguistic University

¹ nikolitch.militsa@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): русская литература; цитаты; Н. В. Гоголь; И. С. Тургенев; А. П. Чехов; Russian literature; quotations; N. V. Gogol; I. S. Turgenev; A. P. Chekhov.